

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

УДК 39+93

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-4/89-105

Научная статья

© А. В. Буганов

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

В статье речь идет об особенностях национального самосознания русских, роли исторической памяти в его формировании. На основе широкого комплекса историко-этнографических источников рассматриваются исторические представления русского крестьянства XIX — начала XX вв. как основного носителя этнических традиций. Охарактеризован механизм формирования коллективной памяти. Установлено, что воззрения крестьян на историю страны и мира проявлялись как в характеристике отдельных деятелей, так и в выделении различных эпох и событий прошлого. Автор показывает, по каким причинам в народной памяти выделялись те или иные персонажи и факты, каким образом выдающиеся личности влияли на самосознание народа. Проведенный анализ коллективных исторических воззрений фиксирует не только особенности народной версии отечественного прошлого, но и выявляет основные формы групповых идентичностей русских. В качестве таковых отмечены религиозная, государственная, этническая и социальная. Именно характер их взаимодействия определил становление и специфику национального самосознания. Национальная идентичность была тесно связана с исторической памятью: фактически в каждом регионе местная история переплеталась в сознании людей с общегосударственной, личная и групповая память вписывались в контекст истории страны, так называемой «Большой истории». Несмотря на определенную локальную и конфессиональную специфику, в народной памяти по всей территории расселения русских сохранился единый в основе своей круг исторических событий и фактов. Общность исторических представлений в течение многих столетий способствовала этнокультурной консолидации русского народа.

Ключевые слова: русские крестьяне XIX — начала XX вв., историческая память, национальная идентичность, выдающиеся личности и яркие события

Ссылка при цитировании: Буганов А. В. Историческое сознание русских крестьян XIX — начала XX вв. // Вестник антропологии. 2023. № 4. С. 89–105.

Буганов Александр Викторович — д. и. н., главный научный сотрудник, заведующий отделом русского народа, Институт этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, 32А). Эл. почта: buganov@rambler.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

© *Alexander Buganov*

THE HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN PEASANTS IN THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

The article considers Russian national identity and the role of historical memory in its formation. The historical ideas of the Russian peasantry of the 19th — early 20th centuries are described based on a wide range of historical and ethnographic sources. Peasantry is considered as the main carrier of ethnic traditions. The mechanism of collective memory formation is characterized. It is concluded that the views of the peasants on the history of the country and the world were manifested both in the characteristics of individual figures and in the identification of various eras and events of the past. The author shows the reasons why certain characters and facts stood out in the people's memory, how outstanding personalities influenced the self-consciousness of the people. The analysis of collective historical views not only captures the features of the folk version of the Russian past, but also reveals the main forms of Russian group identities — religious, state, ethnic and social ones. It was the nature of their interaction that determined the formation and specifics of national self-consciousness. National identity was closely connected with historical memory: in fact, in every region, local history was intertwined in the minds of people with national, personal and group memory fit into the context of the country's history, the so-called Big History. Despite certain local and confessional specifics, a basically single circle of historical events and facts has been preserved in the people's memory throughout the territory of the settlement of Russians. The commonality of historical ideas for many centuries contributed to the ethno-cultural consolidation of the Russian people.

Keywords: *Russian peasants of the 19th — early 20th centuries, historical memory, national identity, outstanding personalities and bright events*

Author Info: **Buganov, Alexander V.** — Doctor of History, Leading Researcher, Head of the Department of the Russian people, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: buganov@rambler.ru

For citation: Buganov, A. V. 2023. The Historical Consciousness of Russian Peasants in the 19th — early 20th Centuries. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 74–90.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

Основой культурной традиции любого народа является историческая память. В статье речь пойдет о характерных чертах коллективной памяти русских крестьян, которые в течение многих веков были не только большинством населения России (согласно Первой Всероссийской всеобщей переписи 1897 г. они составляли 80% населения страны), но и основным хранителем этнических традиций.

Наше время скоротечно и переменчиво. Ревизии подвергаются основополагающие воззрения, установки. Неизбежно происходят изменения в ментальности, самосознании. Если в этом калейдоскопе событий мы хотим узнать о тех воззрениях, национальных особенностях, которые присущи русским как народу, то следует обратиться к исторически сформировавшимся и закрепившимся в народной памяти формам идентичности. Наша национальная идея — это наша история. Россия многие столетия была крестьянской страной, и в желании *вспомнить* «Кто мы?» нельзя обойтись без учета народной коллективной памяти.

Несмотря на существенные перемены в социальной структуре российского дореволюционного, далее советского и постсоветского общества, наиболее устойчивые, архетипические воззрения в сфере исторического сознания можно обнаружить именно в простонародной среде. По той простой причине, что во взглядах образованных сословий неизбежны напластования других культур, культурные заимствования, порой чужеродные, в то время как в жизни крестьян преемственность *русскости* проявлялась естественным образом, всем ходом жизни и отразилась в самых разнообразных историко-этнографических источниках.

Вряд ли уместно утверждать, что устройство общества и характер мировоззрения людей XIX – начала XX вв. — некая этнографическая норма. Но от того периода сохранилось множество разнообразных документов, историко-этнографических данных, поэтому о нем мы знаем больше всего. К тому же, уже совсем скоро, после 1917 г., началось целенаправленное разрушение народных традиций и устоев.

Комплексное изучение историко-этнографических источников XIX — начала XX вв. — исторического фольклора, ответов на программы научных обществ, делопроизводственной документации, мемуарной литературы и др. — дает возможность понять, по каким причинам народное сознание выделяло те или иные факты прошлого, определить круг событий и лиц, сохранившихся в памяти русских. При этом бытование схожих исторических представлений в различных регионах России свидетельствует о масштабности их признания, положительного или отрицательного, в народе.

В историческом сознании¹ отражена не только специфика народной версии отечественного прошлого, но и проявляются основные формы групповых идентичностей русских. Для истории русского самосознания в дореволюционное время было свойственно теснейшее взаимодействие основных компонентов: национального, религиозного, патриотического, социального. Православие, этническая идентичность, чувство патриотизма были неразделимы, что объяснялось длительным проживанием огромной моноэтнической и в основном единой в конфессиональном отношении массы русских на территории единого государства. Более того, своеобразии русских как народа или то, что принято называть национальным характером, определялось именно устойчивым во времени сочетанием перечисленных компонентов. В этом смысле вполне можно говорить об исторической обусловленности русского национального самосознания и русского, в широком смысле слова, национализма. Характер взаимодействия перечисленных компонентов народного сознания отражался и в русском языке, находил свое выражение в соответствующих этнонимах, конфессионалах и прочих терминах, при помощи которых наши соотечественники себя идентифицировали.

¹ Начало изучению исторического сознания и народной памяти русского народа положили М. М. Громыко и А. А. Преображенский, продолжили Н. А. Миненко, А. В. Буганов, А. В. Камкин, Г. Н. Чагин и др.

Механизм формирования исторических представлений в XIX столетии значительно усложнился по сравнению с более ранними эпохами. Устная традиция перестает быть фактически единственным источником исторической информации. В деревню проникают книги, печатная литература. Поступление книжной информации небольшим процентом грамотных не исчерпывалось, в крестьянской среде широко бытовало чтение вслух. Обучение чтению, растущая грамотность изменяли образ мыслей крестьянина. Границы между автаркической деревней и образованным обществом размывались. Подъем национального чувства в результате победы в Отечественной войне 1812 г., расширение социального кругозора крестьянства формировали понимание прав и свобод, выходящее за рамки привычных представлений. Прямым следствием перечисленных факторов стал более критический подход к событиям и лицам отечественной истории. Современные крестьянам цари, полководцы, другие выдающиеся личности стали восприниматься более реалистично, проигрывая в сравнении с героями «славного прошлого». Безусловно, сказывалась здесь и характерная в целом для народного сознания склонность «при сопоставлении поколений отдавать предпочтение предшественникам» (Громыко 1986: 10).

На формирование коллективных представлений о прошлом несомненное влияние оказывают вновь приобретенные знания; разумеется, и сами представления, в свою очередь, испытывают воздействие господствующей идеологии, политической конъюнктуры, массовых стереотипов и т. д. В результате практически любой исторический факт искажает реальность, являясь ее субъективной интерпретацией. Наивно верить, что в древности все объективно и беспристрастно фиксировалось. Память об историческом прошлом представляет собой по сути символическую репрезентацию прошлого.

В историческое сознание народа входят память об общности исторического прошлого, о значимых событиях и эпохах, национальном пантеоне героев, достижениях в сфере материальной и духовной культуры. Бывает, конечно, что краеугольным камнем идентичности становятся коллективные травмы, воспоминания об исторических неудачах, репрессиях, что порождает отчужденное отношение к прошлому. Процесс изживания негативных воспоминаний может длиться долго, но, как правило, люди склонны побыстрее вытеснить их из своей памяти и опираться на позитивные опорные точки истории.

Народный взгляд на историю страны формировался в значительной мере через оценку выдающихся исторических личностей. Коллективная память крестьян разборчиво отбирала и сохраняла имена государственных и общественных деятелей, полководцев, строителей церкви и подвижников благочестия, героев из народа и т. д.

Со времен Киевской Руси идеализированный тип народного героя воплотился в череде былинных богатырей. В их подвигах повествовалось о делах всего народа. Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Микула Селянинович стали «идеальной учительной конструкцией национального типа в его героическом варианте» (Балашов 1983: 104).

Общерусская эпическая традиция постепенно складывалась на базе локальных традиций тех мест, откуда люди переселялись на новые земли. Исследователи и путешественники, побывавшие в русской деревне, отмечали, что облики богатырей как людей, обладавших неимоверно огромной силой, были настолько ясны в сознании местного населения, что доходили до осязательности: в народе давали им под-

робные характеристики, связывали с ними свои родовые предания, указывали места их селищ, следы их деятельности, даже самые кости богатырские.

В бранных подвигах богатырей этническое начало тесно сливалось с конфессиональным. Богатырство было проникнуто идеей православного служения, являлось формой церковного послушания. Победы над внутренними врагами — «Соловьем-разбойником» и «Змеем Горынычем» — были нужны, чтобы Руси вскоре стать великой страной. Не случайно богатыри — славные «оберегатели» и «стоятели» Земли русской.

В русском средневековье защищать родную землю, «володеть и княжити» были призваны князья-дружинники. В их подвигах ценились личная праведность и служение народу. Богоугодность князя заключалась в самоотверженной, подчас жертвенной любви к соотечественникам. В житиях святых — воителей за русскую землю — такая готовность положить свой живот «за други своя» была постоянной и едва ли не главной темой.

Удачливые в битвах и в мирном обустройстве жизни русские князья быстро становились почитаемыми в народе; церковная канонизация следовала, как правило, позднее. Именно народ признал святых в князьях Борисе и Глебе даже прежде, чем был найден другой святой — в их отце равноапостольном Владимире. В России, если князь не потерпел неудачи в выполнении своей миссии, весьма вероятно было его прославление в лике святых — хотя бы потому, что положение князя призывало его к великим деяниям, а часто и к великому самопожертвованию. Не случайно из 180 первых русских святых 60 были князьями.

Как отмечал Г. Федотов, каждое столетие русской истории окрашивалось в определенные агиографические цвета. В XVIII–XIX вв. и в официальном, и в народном почитании первое место отводилось св. князьям Владимиру, Дмитрию Донскому и Александру Невскому, который в народном сознании стал символом Божьей помощи в борьбе с иноземными врагами (См.: *Федотов* 1990: 49, 51).

Деятельность московских князей и царей, направленная на защиту церкви и родной земли, формировала в глазах русских образ народного и государственного лидера, окружая его ореолом святости. Представления о сакральном характере власти возникли задолго до венчания на царство Ивана IV в 1547 г. Постепенно они поднялись до признания великого князя «Божьим слугой», «стражем Земли Русской от врагов иноплеменных и внутренних». Историк И. Е. Забелин справедливо отметил, что «новый тип политической власти вырос на старом кореню» (цит. по: *Коринфский* 1994: 81). Народная Русь истари стояла на служении верой и правдой «Батюшке-государю».

В течение многих веков русские цари являлись для своих подданных символом государственности, воплощением вероисповедной и этнической идентичности. Наиболее значительный след в памяти оставили Иван Грозный, Петр Великий, Александр I и Александр II. Практически все русские монархи представляли в устной традиции как Божии Помазанники, православные властелины огромной страны. Апологетика и идеализация государей, являясь общеразделяемой мировоззренческой установкой большинства подданных империи, прочно вошли в устную традицию. Отрицательные оценки их образов довольно редки, но к ним тем более интересно обратиться при выявлении существенных характеристик исторической памяти.

Отрицательной трактовкой образа Ивана Грозного отличались новгородские и псковские песни и сказания. В них преобладали сюжеты, связанные с погромом Нов-

города Великого в 1570 г. В царя подчеркивались прежде всего недостатки — жестокость и подозрительность. Если в случае с Иваном Грозным отрицательные оценки были связаны в основном с особенностями исторического развития отдельных регионов, то неприятие частью населения Петра Первого объяснялось нарушением профессиональной однородности русского общества. В раскольничьих толках, особенно на Севере, объявили Петра не *природным*, а подмененным царем, противопоставили ему *истинного царевича* Алексея и даже считали первого российского императора антихристом. И все же, несмотря на наличие радикальных оппозиционных настроений в некоторых старообрядческих согласиях, даже самые яростные обличители не вступали в конфликт с царской властью как таковой, не подвергали сомнению ее легитимность. Напротив, всячески подчеркивали свою лояльность «истинному» монарху.

Восприятие царя как Помазанника Божия лежало в основе монархизма. Получалось, что народ передавал свою волю во власть воли Высшей, которая наделяла властью Монарха. Но при этом и сам царь осуществлял государственное служение как послушание, отрекаясь от личной воли. В менталитете русских государей понятие власти основывалось на ее божественном происхождении и на законности престолонаследования «от отцов и дедов». Линия наследования престола считалась непрерывной и в народной памяти; когда в фольклоре провозглашали следующего царя, под ним, само собой, подразумевался сын.

Особенностью воззрений русских было глубоко укоренившееся чисто семейное, родственное отношение к царю. К титулу государя часто прибавлялся эпитет *батюшка* или *надежда*, повиновение которому понималось как религиозный долг. В представлениях простых людей монарх даже порой *окрестьянивался*, наделялся живыми человеческими чертами.

Разумеется, народная трактовка истории определялась не только религиозным характером мышления, но и приводилась в соответствии с социальными ожиданиями и запросами. С точки зрения постоянно волновавшего народ вопроса о воле воспринимали в деревнях многие события общественной и политической жизни, давалась оценка историческим деятелям.

В конце XIX — начале XX столетия народные взгляды на русских самодержцев достаточно быстро трансформировались, все более отдаляясь от безоговорочного почитания. Если образ царя в фольклорных текстах еще сохранял абстрактный мифологизированный характер (в фольклоре XIX в. мифологичность была скорее стилистической жанровой особенностью, позволявшей придерживаться обобщенного фольклорного прототипа), то в реальной жизни верховный носитель власти оценивался взвешенно, а порой и излишне критически. В незначительной степени это расхождение между фольклорной традицией и фигурой реального монарха было свойственно восприятию Александра III. Гораздо заметнее размывание монархического идеала сказалось в отношении к последнему царю династии Романовых Николаю II.

Анализ паремиологических материалов, судебной-следственной документации показывает, что большинство россиян на рубеже веков воспринимало носителя верховной власти позитивно, а государственное устройство мыслилось однозначно в форме монархии, причем монархии абсолютной — «Нельзя земле без царя стоять» (Черняев 1998: 131–151; Лобачева 1994: 9, 11–12; Иенсен 1999: 17, 52).

К началу правления Николая II монархические воззрения в народе были достаточно прочны. Когда во время коронации 1896 г. случилась ходынская давка, царя в

народе не винили, а жалели его и задавленных. В песне о Ходынке Николай II среди виновников катастрофы не фигурировал. Начало разрушению монархического идеала в народном сознании было положено 9 января 1905 г., когда тысячи рабочих с крестами и хоругвями двинулись из-за Невской заставы к царскому дворцу с просьбой, как тогда говорили. Но вместо переговоров был расстрел, и тем самым была подстрелена (но еще не расстреляна) вера в царя.

Чуждые сознанию народа лозунги и перспективы русско-японской войны и, конечно же, ее неудачный исход, поражения на фронтах Первой мировой неизбежно вели к критике государственной политики, падению авторитета Николая II. Усилиями революционеров-пропагандистов в войсках «царь-батюшка» сменялся уничижительным *Николашка*. Иссякал исторический ресурс монархизма как мировоззрения. Крах российской государственности в значительной мере стал следствием девальвации в общественном сознании образа Помазанника Божия.

В исторической памяти русского народа всегда высоко ценились полководцы и военные герои, добывавшие славу России и проявлявшие боевые и героические качества русских людей¹. Подвиги русского воинства освящались как господствующей Церковью, так и народным сознанием.

Личностные качества воинов особенно ярко проявлялись на государевой службе. Историческая память Нового и Новейшего времени опиралась на героическую традицию Средневековья, сущностной чертой которого являлось представление о служении. В историческом фольклоре XVII–XVIII столетий все чаще на первый план выходят отличившиеся в походах и сражениях военачальники. Современникам Смуты и их потомкам остались памятны яркие исторические деятели той поры: К. Минин, Д. М. Пожарский, П. Ляпунов, М. В. Скопин-Шуйский.

К. Минин, обратившийся к нижегородскому посаду с призывом освободить Московское государство от польских и литовских интервентов, не был полководцем, да и сколько-нибудь военным человеком, но в сознании соотечественников и потомков он навсегда остался патриотом, мирским подвижником, организатором нижегородского ополчения. Князь Пожарский предстал в народной памяти не только как спаситель Отечества (трактовка традиционная и для популярной официозной литературы XIX в., и для крестьянского фольклора), но и как избранник простого люда: «удалого молодца воеводушку» Пожарского «выбрали себе солдатушки, молодые ратнички».

Решающую роль в героизации образа М. Скопина-Шуйского сыграли его победы над поляками и войсками Лжедмитрия II. В песнях он «оберегатель мира крещеного и всей нашей земли святорусския». Немаловажным для признания Скопина защитником и патриотом Русской земли стало получение им благословения от преп. Иринарха Ростовского.

Часто встречалось противопоставление «бояр-изменников» Скопину-Шуйскому и Прокопию Ляпунову (например, князей Мстиславского и Воротынского). В песне «Ляпунов и Гужмунд» подчеркивалось: в то время, как «многие русские бояре нечестивцу отдались, от Христовой веры отреклись», думный воевода Прокопий Ляпунов «крепко веру защищал ... изменников отгонял» (Исторические песни XVII в. 1966: 94. № 75).

¹ «Историю героев», войны, важные события в жизни государства аккумулировала в себе, главным образом, мужская коллективная память (разумеется, это не означает, что женщины не могли выступать хранителями «мужской» версии истории, особенно в Новое время). О гендерных характеристиках коллективной исторической памяти (см.: Пушкарева Н. Л. 2001: 274–304).

После создания регулярной армии в начале XVIII столетия дело защиты Отечества постепенно переходит от царя к выдающимся полководцам. С именем фельдмаршала Б. П. Шереметева, «царева большого боярина, генерала и кавалера», народное сознание связывало победы над шведами: освобождение Орешка, битву при Красной мызе и другие успехи в Северной войне.

В последующие десятилетия победная традиция в песнях опиралась на образы атамана И. М. Краснощекова, военных деятелей П. А. Румянцева, З. Г. Чернышева, Ф. Ушакова (с его прославлением в 2000 г. в лике святых российский флот обрел своего небесного покровителя) и других полководцев. Характерно, что для возведения того или иного лица в ранг народного героя вовсе не обязательным являлось «простое» происхождение.

Крупнейшие воители прошлого считались у русских выразителями воли Божьей. Самый выдающийся русский полководец А. В. Суворов, по мнению народа, был богатырь, знал «Планиду небесную» и потому всегда побеждал врагов (АРЭМ: Д. 1576. Л. 17). Именно сочетание в «избраннике Божиим» Суворове непревзойденного воинского умения с органически присущей ему демократичностью создало в народном представлении ярчайший образ национального героя-полководца.

Русские люди как, вероятно, и любой другой народ, всегда заботились о создании позитивного самообраза, позитивной идентичности. Вряд ли какая-либо нация может жить без собственных героических мифов, ведь ими поддерживается ее жизнестойкость и конкурентоспособность. Примечательно, что в желании иметь позитивный самообраз власть, элита и обычные граждане едины, что, безусловно, способствует устойчивости памяти о героях, пусть даже и не во всем исторически достоверной. С этой точки зрения показательна, например, трактовка воинских подвигов А. В. Суворова, практически все свои кампании прошедшего за пределами России (с Турцией — 1787–1791 гг., с Наполеоном — 1799 г.). Войны с турками, хотя и диктовались всецело государственными интересами России выйти к берегу южного моря, в глазах крестьян были борьбой с мусульманами за Православную Россию, т. е. носили явный народно-религиозный отпечаток. Не случайно в песнях суворовского цикла военные события изображались очень сжато, в центре внимания оказалась личность православного героя-полководца, а его деятельность в соответствии с логикой народного мышления расширялась до общенациональных масштабов.

По окончании Отечественной войны 1812 г. в исторических знаниях крестьян центральное место отводилось ее героям — М. И. Кутузову и М. И. Платову. После Суворова Кутузов был, пожалуй, самым популярным среди солдат русской армии полководцем. Он стал первым военачальником, широко использовавшим народное ополчение (причем, ополчение 1812 г. в значительной своей части было построено на общественных началах, в отличие, скажем от ополчения 1855 г., которое было государственной организацией).

Песни об атамане М. И. Платове создавались преимущественно в казачьей среде, но бытовали по всей России. Расторопность Платова противопоставлялась в песнях неспособности царских чиновников повлиять на ход войны.

В песнях о Крымской войне часто упоминались М. С. Воронцов и П. С. Нахимов. Довольно четко очерчен круг исторических деятелей, завоевавших признание в народе за время русско-турецкой войны 1877–1878 годов: М. Г. Черняев, М. Д. Скобелев, И. В. Гурко, Ф. Ф. Радецкий.

М. Д. Скобелева почитали особо. В последние пять лет своей жизни (полководец умер в 1882 г. — А. Б.) и некоторое время впоследствии, Скобелев был самым известным и популярным человеком нации: «Русские и иностранцы ... называли его идолом русских людей ... красным панславистом и народным героем, славянским Гарибальди...» (Rogger 1976: 46).

В войнах начала XX в., судя по многим воспоминаниям (На рубеже двух эпох 1994; Воспоминания товарища Обер-Прокурора 1993; Христоролюбивое воинство 1977; С царем и без царя 1995), солдаты в большинстве своем верили начальству: оно, мол, знает, что делать. На русско-японской войне солдаты боготворили главнокомандующего А. Н. Куропаткина. Тем же, чем был для Севастополя Нахимов, для Порт-Артура стал генерал-лейтенант Р. И. Кондратенко. Он остался в памяти душой обороны крепости, командиром, широко использовавшим инициативу подчиненных.

Легендами были окружены военачальники Гражданской войны. Распространялись слухи о побегах генерала Л. Г. Корнилова из немецкого плена, а потом и советского. Способностью внушать доверие и преданную любовь войскам обладал генерал Я. А. Слащев. Большой авторитет имел П. Н. Врангель. О нем рассказывали, как о человеке железной воли и даровитом, «его любили, ему верили, его боялись» (На рубеже двух эпох 1994: 202, 247). Образы русских воителей никогда не забывались в народе. В их личностях получал свое воплощение православный идеал воина.

Огромное место в сознании русского человека отводилось религиозным деятелям и отечественным подвижникам благочестия. Героев веры Церковь венчала титулом святости, в народе праведникам поклонялись и говорили о них: «умолился и стал святым».

Более пяти столетий не меркло в памяти народной имя Сергия Радонежского, «Игумена земли Русской». Он вошел в русское сознание и как миротворец — увещевал князей, грозил карой Божией за раздоры и междоусобицы, и как усердный христианин-молитвенник, и как великий делатель. Он оставил после себя Троице-Сергиеву лавру, одну из четырех лавр в стране, заложил и построил еще несколько монастырей. Преподобный воспитал множество учеников, разошедшихся по всей Руси и основавших новые пустыни и обители — Боявленский Голутвин монастырь под Коломной, Рождественский Сторожевский в Звенигороде, Высоцкий под Серпуховом и многие другие — на тех же началах подвижничества, в которых сами они были воспитаны. Не будет преувеличением сказать, что не только монашеству, но в сущности всему русскому народу, Сергей оставил суть житейского идеала: *общежитие, труд, нестяжание*.

От грозного царствования Ивана IV остался в памяти потомков духовный подвиг митрополита Филиппа (Колычева). Русская церковь не смогла предотвратить призыв Грозного, и все же стойкость митрополита, который обличал царя в пороках, поплатился за то жизнью, но до конца исполнил долг честного гражданина и верно-подданного, в историческом плане обнажило бессилие власти перед общественными и нравственными традициями. Память о Филиппе привнесла в русское сознание понимание гражданского долга как готовности самоотверженно отстаивать правду и государственную пользу, невзирая на последствия.

С именем патриарха Гермогена русские люди, не только современники Смутного времени начала XVII столетия, но и в последующие века, связывали организацию

сопротивления поляко-литовцам. Во главе освободительного движения встала Церковь, единственное в тот момент связующее звено в разваливавшемся государстве. Религиозным деятелем государственного уровня остался в народных воспоминаниях и Митрофаний Воронежский, который в начале правления Петра Великого оказался в гуще бурных событий и инициатив. С именем св. Митрофания в народе не только связывали воспоминания о Петре Великом, но и чтили святителя как защитника простого народа от притеснений, исцелителя и молитвенника. Иной тип любимого в народе отечественного подвижника представлял собой Святитель Воронежский и Задонский Тихон, главным делом жизни которого были проповедничество и благотворительность.

Идеал православного подвижника формировался в течение многих веков. В монастырях допетровской Руси создавался и окружался ореолом благочестивой легенды образ инока, посвятившего себя служению Богу. Вместе с тем, монашескому служению на Руси под воздействием общинных мировоззренческих стереотипов была не свойственна концепция индивидуального спасения. Уход от мира, в конечном счете, являлся средством совершенствования ради служения миру примером, уединение от мира предполагало возврат к нему через любовь.

Окормление мирян занимало значительное место в духовной практике крупнейших русских святых XIX столетия — Серафима Саровского и старцев Оптиной пустыни. Молва о святой жизни и прозорливости отдельных подвижников укрепляла православное мироощущение в обществе, стимулировала паломничества в монастыри, к известным старцам.

Обращение к земной и «посмертной» жизни «явленных и неявленных», канонизированных и не канонизированных подвижников благочестия дает множество примеров тому, насколько глубоко и органично вошли они в историческое сознание русских людей. Почитание православных подвижников являлось неотъемлемой составляющей народной религиозности. Образ их подвижничества и святости был особенно дорог благочестивому идеалу народа. Святые были понятны и близки крестьянину, ведь, как говорили в народе, были времена, когда «святые по земле ходили».

Память о праведниках поддерживалась устной традицией, широким бытованием агиографической литературы, контактами с подвижниками в текущей жизни, почитанием памяти о них после смерти. В них чтили личную святость, неутомимое служение людям. Их предсказания и пророчества передавали из уст в уста. Иметь живой образ святости было действительно духовной потребностью, отрадной для народа. Подвиг святого подвижника веры имел колоссальное и первостепенное значение для воспитания народного самосознания.

Добавлю, что укреплению памяти о святых и подвижниках способствовала и «персонификация» календарных дней года. По смерти великих подвижников прошлого происходило открытие их мощей, явление чудотворных икон. В честь этих новоявленных угодников Божиих устанавливались новые праздники в Русской церкви — сначала, как правило местные (святые на Руси, как и иконы, большей частью чтились местно), а затем, если границы почитания расширялись, то и общерусские. Уже к XIX в. русский народный календарь упоминал имена более 400 святых, мучеников, лиц духовных и лиц княжеского происхождения. «Персонификация» календарных дней позволяла малограмотным крестьянам лучше ориентироваться во времени (Руднев 1997: 34).

Не только монархи, религиозные подвижники и военные герои сохранились в народной памяти. Помнили и о бунтарях, предводителях крестьянских восстаний. В фольклоре образы Ермака, Разина, Пугачева часто жили рядом друг с другом. Преимущество этих образов можно объяснить не только инерционностью фольклорной традиции, но и длительной нерешенностью тех задач, которые ставились восставшими.

В советской официальной версии истории вожди крестьянских восстаний представляли едва ли не основными героями. Они провозглашались последовательными выразителями классовых ценностей. В перестроечное время случился прямо противоположный крен: те же самые персонажи стали выставляться исключительно разбойниками и бандитами. Если уйти от политической и идеологической заданности, становится довольно очевидным, что в народном отношении к бунтарям переплетались мотивы социального протеста и христианского смирения.

В целом же, революционные и всякого рода радикальные идеи считались по всей Руси общественным злом, безбожники и революционеры дворяне не пользовались любовью у крестьянства. Большинство попыток расшатывания привычных для народа мировоззренческих устоев были неудачны. Не приняли в народе восстание декабристов 1825 г., полным провалом закончилось «хождение в народ» 1874 г. И все же проникавшие в деревню либеральные и революционно-демократические идеи исподволь размывали традиционные устои. Менялось отношение части крестьянства к монархии и привычному миропорядку.

Русское сословное деление (народное сознание отмечало выдающихся личностей из самых разных слоев общества) имело в своем основании мысль об особенном служении каждого сословия. Сословные обязанности в значительной мере мыслились как религиозные, а сами сословия — как разные формы общего для всех христианского дела — спасения души. Соответственно, народная оценка деятельности тех или иных лиц основывалась, еще раз подчеркну, на традиционных христианских воззрениях. Определяющим в оценке исторической личности был православный и патриотический подход. Несмотря на разницу в статусе, специфику конфессиональных, сословных и иных характеристик, выделялись общие, наиболее привлекательные типологические черты в крупных фигурах прошлого: масштабность содеянного, демократизм поведения, и главное, соответствие устойчивым православным воззрениям об общественном служении. Совокупность этих факторов делало их *историческими личностями*.

Несколько слов о восприятии русскими исторических лиц других народов. Особенно интересовались, как и в отечественной истории, царями, военными и государственными лидерами этих народов. Например, в фольклоре о Северной войне русским противостояла *шведская сила*, православному царю Петру I — король шведский. Рассказывали, что Карл был широкий, росту среднего, плечистый; настоящий был воин, да на воина попал, Петр ему не уступал.

Очень интересовала народ личность Наполеона. Великому полководцу отдавали должное. В Саранском уезде Пензенской губернии в 1899 г. при чтении описания Отечественной войны крестьяне «радовались, когда слушали отрывки о падении Наполеоновской армии, но достоинства Наполеона восхваляли, тогда как при чтении о русско-турецкой войне султана ругали» (АРЭМ: Д. 1390. Л. 13; см. также Д. 1569. Л. 1). Правда, даже императора французов «бес попутал»: «Ка б Наполеен ни делал

в церквах конюшни для лошадей, дык яго бы взяло, а то ... ишь, нехристь, что выдумал, конюшни в церквах делать» (АРЭМ: Д. 980. Л. 9–10).

Воззрения русских на историю страны и мира проявлялись не только в характеристике отдельных деятелей, но и в выделении различных эпох и событий прошлого. Оно происходило на двух уровнях. Во-первых, в крестьянских представлениях отложились наиболее крупные исторические эпохи в их общей временной последовательности (прошлое не мыслилось просто как «время отцов и дедов», существовало понятие линейного необратимого времени). Ими были основание Русского государства, ордынское иго, Смутное время, периоды царствования наиболее крупных монархов — Ивана Грозного, Петра Первого, императрицы Екатерины Второй и т. д. Во-вторых, внутри этих эпох выделялись самые значимые факты, события, в первую очередь войны. В эти периоды истории наиболее интенсивно шел процесс осмысления общенародных задач и интересов.

В соответствии с двумя уровнями выделения существовали и представления о хронологической последовательности исторических событий. В отношении крупнейших эпох никаких временных смещений и смешений не происходило. Взятые же в срезе одной эпохи исторические события зачастую переплетались, хронологическая и фактологическая последовательность нарушалась. Причина подобных нарушений заключалась как в недостаточной исторической осведомленности, так и в специфике осмысления прошлого. Разумеется, вряд ли крестьяне, имея возможность располагать реальными фактическими знаниями о событиях и лицах, так стойко придерживались бы неточных, а подчас и мифологических истолкований. Следует иметь в виду, что народ, как правило, воспринимал и принимал лишь то, что не входило в противоречие с его исторической памятью и основополагающими воззрениями. В простонародье часто наделяли любимых героев лучшими чертами, заимствуя их у других персонажей, приписывали порой не совершенные ими деяния.

Например, людская молва в Симбирской губернии причудливо связывала спасение Русского царства князем Дмитрием Пожарским с именем Ивана Грозного. Малюте Скуратову в песне отдавалось повеление казнить царевича Иоанна Иоанновича, но Пожарский сохранял царского сына, и Грозный жаловал доброго боярина. В одной из песен Дмитрий Пожарский — вопреки историческим фактам — был даже избран в цари¹. Действительно, на состоявшемся в январе–феврале 1613 г. земском соборе Пожарский назывался в числе возможных претендентов на престол, но выборы закончились, как известно, воцарением Михаила Романова. В исторической песне Пожарский отказывается от престола в его пользу.

Степан Разин в фольклоре действовал вместе с Ермаком, Пугачев упоминался в качестве помощника Разина, Суворов и Платов сообща преследовали французов и т. п. Подобную непоследовательность в крестьянском мировоззрении подметил И. Гринев, один из корреспондентов Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева: «По мнению крестьян, Петр Великий жил тотчас после Иоанна Грозного, Суворов победил Наполеона, чтобы взять в плен и проч.» (АРЭМ: Д. 1569. Л. 10).

В памяти крестьян различных регионов, наряду с фактами общегосударственного характера, сохранялись сведения и о событиях локальных. Селективный характер

¹ Уже в 20-х годах XVII столетия, судя по некоторым крестьянским высказываниям, на князя Пожарского распространялась прерогатива, присущая традиционно в народном сознании именно царю — «смирять воров» (см.: Лукин 2000: 118).

памяти часто выражался в преимущественном внимании к местной и региональной истории. Исторические сведения об отдельных событиях, приобретших впоследствии характер общенародный, максимально полно и точно воспроизводились в местах, непосредственно связанных с этими событиями. Практически в каждом из селений, расположенных близ маршрута казанских походов Ивана Грозного, спустя три столетия широко бытовали местные предания, совпадавшие с летописными сообщениями (так, в фольклоре довольно точно указывались царские станы). То же самое можно сказать об относительно большей исторической осведомленности о личности Петра Великого крестьян русского Севера, которым «царь-работник являлся с топором в руках», о восстаниях Разина и Пугачева крестьян Нижнего Поволжья и Дона по сравнению, например, с населением севера России и т.д.

В памяти народа четко прослеживаются те самоназвания, образы и символы, которые были дороги русским, с которыми они ассоциировали свои национальные чувства. В течение многих столетий термин *русский* приобрел характер не столько этнический, сколько конфессиональный и был почти синонимом слова *православный*. С образованием Русского централизованного государства национальные и государственные интересы его жителей стали восприниматься в единстве. Само понятие Родины приобрело конкретные политические границы, совпадавшие с территорией Русского государства. Теперь этноним *русские* указывал и на этническую принадлежность основной массы населения страны, и на общность, осознающую себя единым по вере народом единого государства.

В повседневности народной жизни на сельских сходах к собравшимся обращались — *православные*, т. е. религиозная самоидентификация была определяющей. И это не случайно, поскольку от самого рождения ребенка с крещения, обретения крестных родителей, христианского имени и святого покровителя начиналось приобщение к церкви, воцерковление. Продолжалось оно посещением храма, принятием таинств, слушанием служб, проповедей, Евангелия, церковного пения (для иных — и участием в нем). Весь жизненный цикл простого русского человека был связан с православной церковью: венчание и крещение детей; приобщение потомства к таинствам и посещению храма; отпевание умерших. Все это вместе, безусловно, закрепляло непрерываемость религиозной памяти.

Церковнославянский язык в течение многих веков был по сути вторым языком в России. Многие крупнейшие лингвисты, такие как А. А. Шахматов и И. И. Срезневский, даже считали его первым, основным для формирования литературных стилей, на него позже уже наслаивалось русское просторечие, множество диалектов. Когда начались подсчеты грамотности, те, кто читал по церковнославянски часто попадали в число неграмотных. Необходимо сказать, что чтение Библии и других церковных книг людьми, не обученными гражданской грамоте, сохранялось довольно долго. Даже в экспедициях двадцатилетней давности, мне доводилось с этим сталкиваться. Бабушки, считавшиеся неграмотными, на вопрос, знают ли они по церковнославянски, уверенно отвечали: «Это-то я читаю».

Особенно отчетливо идентификация по религиозному признаку выражалась во времена войн и вооруженных конфликтов, которых в истории России было предостаточно. Так было в годы удельных распрей и ордынского владычества, когда не этническая идентификация, но принадлежность к православному миру давала народу твердое ощущение общности исторической судьбы. И в последующих войнах защищали

Отечество и православие. Враги воспринимались как «басурмане», даже если и принадлежали к христианскому миру, как, например, французы в 1812 г. Таким образом, конфессионим *православные* выполнял функции этнического определителя русских.

В толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля, который в 60-е гг. XIX в. собирал массовый (подчеркнуто мной — А.Б.) материал, фиксировал использование языковых форм, характерных для большинства русских, в качестве синонима термина *православные* дано словосочетание *русский народ, православный государь* тоже *русский, православная вера* это *русская вера*, и даже *Бог* (а в православной стране нет иного абсолюта кроме Господа) обязательно *Русский Бог*. В народную речь эти слова вошли как синонимы. Иноэтническое окружение способствовало взаимозаменяемости понятий *русский-православный*. Лезгины, грузины, другие народы говорили: «*Русская вера*», «*русский Бог*» и т. д.

Бытовали и другие дефиниции самоназвания. Перед началом Куликовской битвы из уст Дмитрия Донского прозвучало обращение к воинам — *сыны русские*. Через два столетия, в эпоху Смуты, в литературе утвердилось выражение *доброхоты земли Русской*. Широко употребляемое ныне и привычное для слуха слово *патриот*, появившись впервые в 1716 г. в «Рассуждениях о причинах Свейской войны» П. П. Шафирова, вплоть до конца XIX в. использовалось параллельно со своим синонимом — русским термином *сын Отечества* (Агеева 1994: 38–41).

В военно-исторических песнях XVI–XIX вв. традиционным этнонимическим обозначением русского народа являлось словосочетание *сила росейска*. В песне XVIII в. об осаде Очакова пелось: «Наехала наша сила росейская», в песне о 1812 году — «Валит сила росейска со всех сторон, со всех четырех». По сравнению с песнями более ранними, солдаты чаще называли себя и *россиянами, русскими солдатами* (Исторические песни XIX в. 1973: 56, № 60). Независимо от происхождения каждой из этих песен, сам факт их длительного бытования среди крестьян в конкретной редакции свидетельствует о принятии народом того или иного определения.

Ярко выражены в народном фольклоре образ Родины, поэтические олицетворения Русской земли, Русского государства. Это и *Россиюшка*, и *мать-сторонка*. От образа всей страны — России — неотделим образ Москвы. В начале XVII в. Минин обращался к Нижегородскому посаду с призывом сражаться «за матушку за родную землю ... за славный город Москву». И в песнях о 1812 г. Москва олицетворяла в народном представлении судьбу всей России Герой 1812 года Д. Давыдов вспоминал: «Слова “Москва взята” заключали в себе какую-то необоримую мысль, что Россия завоевана» (Исторические песни XIX в. 1973: 53, № 53; АРГО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 4. Л. 39; Давыдов 1988: 289).

Религиозное сознание у русских всегда было теснейшим образом связано с государственным и национальным сознанием. Дореволюционная Россия была как империей, так и национальным государством на основе многонародной нации, включавшим в себя более полутора ста народов и народностей. Хотя этнические русские по переписи 1897 г. составляли менее 50% населения, российская идентичность имела ярко выраженный русский, православный характер. Православие было государствообразующей религией. Решающая роль в самом строе народной жизни принадлежала российскому патриотизму.

При Петре I возник национализм гражданского типа. Он обосновывал существование российского народа и впервые утверждал категорию «россияне». Его развитие

происходило в последующей истории российского национализма. Взаимосвязь, по сути синонимичность понятий «русский», «российский» и «православный» сохранялась вплоть до начала XX столетия, а для многих русских существует и сегодня.

Судя по обширному комплексу историко-этнографических источников — быть русским означало для наших предков, прежде всего, быть верным православию, царю и отечеству. Позднее, в советское время, в общественном дискурсе знаменитая уваровская триада «православие, самодержавие, народность» стала восприниматься иронично. Тем не менее, эта формула, нравится ли она нам сегодняшним или нет, очень точно отражала народные настроения. Все три архетипа формировали сознание русских людей и во многом определяли их мировоззрение.

Наличие определенной локальной и конфессиональной специфики не стало препятствием для формирования в народной памяти единого в основе своей круга исторических событий и фактов. Их трактовка, если и варьировалась, то очень незначительно. На всей огромной территории расселения русских преобладало единство исторического сознания, способствующее этнокультурной консолидации русских, укреплению их национальной идентичности.

Источники и материалы

АРГО — Архив Русского Географического общества.

АРЭМ — Архив Российского Этнографического музея. Фонд 7. Опись 1. В ссылках на материалы Тенишевского фонда АРЭМ указываются только номера дел и листов.

Исторические песни XIX в. 1973 — Исторические песни XIX века / Подгот. Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин; Отв. ред. В. Г. Базанов. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 283 с.

Исторические песни XVII в. 1966 — Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева [и др.]; [Вступ. статья Б. М. Добровольского и В. В. Коргузалова]. Москва; Ленинград: Наука. 1966. 385 с.

Научная литература

Агеева О. Г. К вопросу о патриотическом сознании в России первой четверти XVIII в. // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): Сб. ст. / Рос. АН, Ин-т рос. истории; Редкол.: Л. Н. Пушкарёв (отв. ред.) и др.. М.: ИРИ, 1994. С. 38–50.

Балашов Д. М. Эпос и история (к проблеме взаимосвязей эпоса с исторической действительностью) // Русская литература. 1983. № 4. С. 103–112.

Воспоминания товарища Обер-Прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова / князь Н. Д. Жевахов. Санкт-Петербург: Царское Дело, 2007. 935 с.

Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М. М. Громыко; Отв. ред. В. А. Александров, В. К. Соколова; АН СССР Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1986. 274 с.

Давыдов Д. Дневник партизанских действий // Русский военный рассказ XIX — начала XX века: Сборник / Сост., вступ. ст. и коммент. Е. А. Глуценко. М.: Правда, 1988. С. 73–134.

Иенсен Т. В. Источники и методы изучения общественного сознания пореформенного крестьянства (на примере Костромской губернии). Дисс. канд. ист. наук. М., 1999. 185 с.

Коринфский А. А. Народная Русь. М.: Московский рабочий, 1994. 560 с.

Лобачева Г. В. Отражение монархических воззрений русского народа в паремиологических материалах второй половины XIX–XX веков // Проблемы политологии и политической истории. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1994. С. 3–14.

- Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. 296 с.
- На рубеже двух эпох: [Воспоминания] / Митрополит Вениамин (Федченков); [Вступ. ст. А. Светозарского, с. 3–36]. М.: Отчий дом, 1994. 446 с.
- Пушкарева Н. Л. Андрогинна ли Мнемозина? (Гендерные особенности запоминания и исторической памяти) // Репина Л.П., Вишленкова Е.А. (ред.). Сотворение истории: человек-память-текст. Цикл лекций. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 274–304.
- Руднев В. В. Аграрный календарь // Русские. Народная культура (история и современность). Т. 2. Материальная культура. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 183–188.
- С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II / В. Н. Воейков. М.: Воениздат, 1995. 430 с.
- Федотов Г. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 245 с.
- Христолюбивое воинство: православная традиция Русской Армии / Сост. А. Е. Савинкин, И. В. Домнин, Ю. Т. Белов. М.: Военный университет: Независимый военно-науч. центр «Отечество и Воин»: Рус. путь, 1997. 496 с. (Российский военный сборник; вып. 12).
- Черняев Н. Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия. М.: М., 1998. 431 с.
- Rogger H. The Skobelev Phenomenon: the Hero and his Worship // Oxford Slavonic Papers / ed. by R. Auty, J. Fennell, I. P. Foote. Volume IX. Oxford, 1976. P. 46–78.

References

- Ageeva, O. G. 1994. K voprosu o patrioticheskom soznanii v Rossii pervoi chetverti XVIII v. [On the Issue of Patriotic Consciousness in Russia in the First Quarter of the 18th Century]. In *Mirovospriatie i samosoznanie russkogo obshchestva (XI–XX vv.)* [Worldview and self-awareness of Russian society (11th–20th centuries)], ed. by L. N. Pushkarev et al. Moscow: Institut Rossiiskoi Istorii RAN. 38–50.
- Balashov, D. M. 1983. Epos i istoriia (k probleme vzaimosviazei eposa s istoricheskoi deistvitel'nost'iu) [Epos and History (on the Problem of the Relationship of the Epic with Historical Reality)]. *Russkaia literatura* 4: 103–112.
- Cherniaev, N. I. 1998. *Mistika, idealy i poezii russkogo samoderzhaviia* [Mysticism, Ideals and Poetry of the Russian Autocracy]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. 431 p.
- Davydov, D. 1988. Dnevnik partizanskikh deistvii [Partisan Action Diary]. In *Russkii voennyi rasskaz XIX — nachala XX veka* [Russian Military Stories of the 19th — early 20th century], ed. by E. A. Glushchenko. Moscow: Pravda. 73–134.
- Fedotov, G. 1990. *Sviatye Drevnei Rusi* [Saints of Ancient Rus']. Moscow: Moskovskii rabochii. 245 p.
- Gromyko, M. M. 1986. *Traditsionnye normy povedeniia i formy obshcheniia russkikh krest'ian XIX v.* [Traditional Norms of Behavior and Forms of Communication of Russian Peasants of the 19th Century]. Moscow: AN SSSR Institut etnografii imeni N. N. Miklukho-Maklaia. 274 p.
- Iensen, T. V. 1999. *Istochniki i metody izucheniia obshchestvennogo soznaniia poreformennogo krest'ianstva (na primere Kostromskoi gubernii)* [Sources and Methods for Studying the Social Consciousness of the Post-reform Peasantry (on the Example of the Kostroma Province)]. Ph.D. diss., Russian State University for the Humanities.
- Korinskii, A. A. 1994. *Narodnaia Rus'* [People's Rus']. Moscow: Moskovskii rabochii. 560 p.
- Lobacheva, G. V. 1994. Otrazhenie monarkhicheskikh vozzrenii russkogo naroda v paremiologicheskikh materialakh vtoroi poloviny XIX — XX vekov [Reflection of the Monarchist Views of the Russian People in Paremiological Materials of the Second Half of the 19th — 20th Centuries]. *Problemy politologii i politicheskoi istorii*. Saratov. 3–14.
- Lukin, P. V. 2000. *Narodnye predstavleniia o gosudarstvennoi vlasti v Rossii XVII veka* [Popular Ideas about State Power in Russia in the 17th Century]. Moscow: Nauka. 296 p.
- Na rubezhe dvukh epoch: Vospominaniia. Mitropolit Veniamin (Fedchenkov)* [At the Turn of Two

- Eras: Memoirs. Metropolitan Veniamin (Fedchenkov)]. 1994. Moscow: Otchii dom. 446 p.
- Pushkareva, N. L. 2001. Androginna li Mnemozina? (Gendernye osobennosti zapominaniia i istoricheskoi pamiati) [Is Mnemosyne Androgynous? (Gender Features of Memorization and Historical Memory)]. In *Sotvorenie istorii: chelovek-pamiat'-tekst. Tsikl leksi* [Making History: Person-Memory-Text. Lectures], ed. by L. P. Repina and E. A. Vishlenkova. Kazan: Master Lain. 274–304.
- Rogger, H. 1976. The Skobelev Phenomenon: the Hero and his Worship. In *Oxford Slavonic Papers*, ed. by R. Auty, J. Fennell, I. P. Foote. Volume IX. Oxford: Oxford University Press. 46–78.
- Rudnev, V. V. 1997. Agrarnyi kalendar' [Agricultural Calendar]. In *Russkie. Narodnaia kul'tura (istoriia i sovremennost')* [Russians. Folk Culture (History and Modernity)]. Vol. 2. Material'naia kul'tura [Material Culture]. Moscow: IEA RAN. 183–188.
- Savinkin, A. E., Domnin, I. V. and Yu. T. Belov (eds.). 1997. *Khristoliubivoe voinstvo: pravoslavnaia traditsiia Russkoi Armii* [Christ-Loving Army: Orthodox Tradition of the Russian Army]. Moscow: Voennyi universitet, Nezavisimyi voenno-nauchnyi tsentr "Otechestvo i Voin", Russkii put'. 496 p.
- Voeikov, V. N. 1995. *S tsarem i bez tsaria: Vospominaniia poslednego dvortsovogo komendanta gosudaria imperatora Nikolaia II* [With the Tsar and Without the Tsar: Memoirs of the Last Palace Commandant of Emperor Nicholas II]. Moscow: Voenizdat. 430 p.
- Vospominaniia tovarishcha Ober-Prokurora Sv. Sinoda kniazia N. D. Zhevakhova [Memoirs of Comrade Ober-Procurator of the Holy Synod, Prince N. D. Zhevakhov]. 2007. St. Petersburg: Tsarskoe Delo. 935 p.